

Автобиографические страницы лысьвенских ветеранов войны и труда

Шолохов Александр Андреевич

Попросил ЦК снять с меня «бронь»

Моя активная трудовая жизнь в Лысьве началась в 1932 году. Я был направлен сюда заместителем директора треста «Нарпит». Партийный стаж составлял тогда 5 лет. Сразу же меня ввели в состав партийной комиссии по чистке рядов партии. В 1934 году я был утвержден на должность инструктора горкома партии.

...Как – то секретарь партийной организации цеха сшивной посуды т.Орехов сообщил, что коммунист Жижелев отказался платить партвзносы. Работал он во второй смене. Пришел я вечером в цех, подошел к нему, поздоровался и сел рядом. Он мне не ответил, косо взглянул и продолжал работать. На мою просьбу побеседовать грубо ответил: «У меня работа сдельная, а семья большая. Мне некогда беседовать. Надо было раньше по-человечески поговорить, когда меня сняли с работы и объявили строгий выговор в райкоме партии». Я сходи к нему на квартиру, побеседовал с женой, которая работала в цехе эмалированной посуды. У них трое детей, живут плохо, заработка хватает только на питание. Детей не могут устроить в ясли. А Жижелев после снятия с работы опустил и ни о чем не заботился. Обо всем я рассказал второму секретарю горкома партии Егосину. Он посоветовал мне договориться с завкомом металлургов об оказании Жижелеву материальной помощи, потом устроили детей в ясли. Он оказался разговорчивым, уплатил взносы. После выяснения конфликта между Жижелевым и директором совхоза, который без оснований добился его снятия с работы, т. Жижелев был направлен на работу в должности председателя рабочкома в Липовский совхоз. Подобных случаев было немало.

В феврале 1937 года меня избрали секретарем парткома спецпроизводства, а в апреле того же года – секретарем парткома завода. В июле 1937 года меня исключили из партии как ставленника врага народа В.Н.Козлова, бывшего секретаря нашего горкома партии, впоследствии реабилитированного посмертно. По моей апелляции в Центральный Комитет я был восстановлен в партии в ноябре 1938 года. В феврале 1941 года меня утвердили на должность заведующего военным отделом горкома партии.

В начале войны в городе было создано 5 военных госпиталей, организованы краткосрочные курсы медицинских сестер, при каждом госпитале созданы санитарные дружины, которые оказывали неоценимую помощь персоналу по выгрузке раненых из вагонов,

доставке их в госпиталь, по уходу за ранеными. В здании драмтеатра был развернут мобильный пункт, который работал с утра до вечера, где работала медицинская комиссия.

В ноябре 1941 года я попроси снять с меня «бронь» ЦК партии и направить меня на фронт. Ускоренными темпами я прошел курсы военных комиссаров при военно – политической академии им. В.И.Ленина и в звании батальонного комиссара был направлен на Калининский фронт.

Приняв 3-й батальон 126-й стрелковой дивизии, я познакомился с командиром ст. лейтенантом Платовым Н.С. Договорились, как нам действовать. Когда я прибыл в д.Ребры, солдаты обратились ко мне с вопросом, скоро ли выгонят немцев с противоположного берега из д.Канахи. Им надоели обстрелы оттуда с утра до вечера. Решили с командиром дать задание разведчикам пробраться в деревню и попытаться взять ее. Я пошел к разведчикам и в беседе выяснил, что из семи человек четверо имеют судимости военного трибунала. Я пообещал, что в случае успеха будем ходатайствовать о снятии с них судимости.

Утром на четвертый день на командный пункт возвратился разведчик, привел пленного и доложил, что пять немцев ночами ведут обстрел наших позиций из траншей в Канахах, а утром уходят на высоту, где у них глубока траншея, два дзота с пулеметами. Пленного направили в штаб полка. В Канахи направили пополнение, и деревня была занята. Нам в помощь придали роту 40-мм минометов, батарею полковой артиллерии и огневой взвод гаубиц для уничтожения огневой позиции противника, которую уточнили с помощью пленного. Вечером на пятый день лейтенант Деревянченко возглавил оборону в Канахах. Я находился в д.Ребры. Через реку установили телефонную связь с Деревянченко и Платовым. Я корректировал ведение огня и фиксировал попадания.

На пятый день немцы пять раз целыми ротами шли в атаку, но всякий раз они были отбиты. На шестой день на нас был брошен целый батальон пьяных эсесовцев, которые поротно в лоб и с флангов бросились в атаку, но, встретив отпор, залегли. Их накрывал минометный огонь, артиллерия не давала им вернуться в свои траншеи. Встретив упорное сопротивление, немцы прекратили наступление. Через два дня после боев в наш батальон прибыл командующий 22-й армией генерал – лейтенант т. Юшкевич. Осмотрев местность до возвышенности и установив, что грунт брода танкопроходимый, он сказал: «Здесь будет наступать дивизия. За освобождение стратегической территории представьте к наградам.

отличившихся». С разведчиков была снята судимость. Они были награждены орденами и медалями.

Вскоре нами был подготовлен штурмовой отряд, который внезапно для немцев проник в д. Бабаево. Немногим из врагов удалось спастись. Когда вошли в один из домов, увидели окровавленного нашего солдата из минометного батальона. У него были выколоты глаза, нос и уши отрезаны, а на груди вырезана звезда. Он мучился и умер на руках у солдат. Похоронили солдата в этой же деревне. Его товарищи поклялись выгнать немцев с высоты.

С августа 1942 года я временно исполнял обязанности комиссара полка. Во всех батальонах было развернуто снайперское движение. Наша активность не позволяла противнику снимать войска для переброски их под Сталинград. Позднее я был назначен заместителем командира по политчасти 198-го стрелкового полка. 24 ноября я был тяжело ранен и получил контузию голов. В течение 5 месяцев я находился на лечении в госпитале. Выписавшись по инвалидности, вернулся в Лысьву.

Освободившись от костылей, пошел в горком партии определяться с работой. По его рекомендации меня назначили прокурором города. В первый же день работы пришлось вмешаться в работу следователя, отказавшись подписать постановление на арест семнадцатилетней работницы за прогул по указу военного времени. Я направил ее к врачу. У работницы оказалась дистрофия 2-й степени. Девушку направили на лечение в стационар. Делопроизводство было прекращено. В ходе расследования выяснилось, что ра-

бота девушки была связана с подъемом непосильных тяжестей. Никто не поинтересовался о причинах ее невыхода на работу. Впоследствии это следователь был уволен из прокуратуры.

В те годы нередко приходилось сталкиваться с фактами бездушия, формализма по отношению к рабочим, граничившим с издевательством. За это виновных привлекали к ответственности. За систематическое издевательство над рабочими два мастера Кобелев и Шнейдеров были приговорены соответственно к 3 и 5 годам лишения свободы с отбыванием меры наказания на фронте.

Вызывало серьезное беспокойство большое число судимостей за прогулы среди подростков, работавших на заводе. Проведенное обследование условий труда и быта подростков – выпускников ремесленного училища вскрыло вопиющие нарушения элементарных условий жизни. Было принято решение собрать начальников цехов и рассказать об имеющихся нарушениях законности на заводе, потребовать неуклонного соблюдения правил внутреннего распорядка в цехах завода.

От умственного переутомления, связанного с последствиями контузии, у меня обострилась болезнь. После лечения комиссия ВТЭК установила вторую группу инвалидности. Пришлось оставить работу прокурора.

В последующие годы я работал в административных, торговых и финансовых структурах. В 1964 году меня избрали председателем городского общества охраны природы, а с 1970 по 1982 год я работал первым заместителем председателя на общественных началах.